

ГЛАВА XVII. Общественные службы.

Для того, чтобы оправдать необходимость какой-либо системы распределения продуктов в будущем обществе, ссылаются на невозможность производить их в достаточном количестве, чтобы позволить каждому на следующий день после революции брать продукты по своему желанию.

Нет надобности в длинных статистических исследованиях, чтобы рассеять такое опасение. В третьей главе этой книги, нам кажется, мы достаточно полно перечислили причины непроизводительного расточения продуктов в современном обществе, и достаточно ясно доказали, что нищета, от которой страдают рабочие, происходит от чрезмерного изобилия, и здесь ограничимся только ссылкой на эту главу.

Производительный труд в современном обществе рассматривается, если не как унижающий, то во всяком случае, как нечто не слишком «возвышающее», ибо тех, кто принужден заниматься им, называют «низшими классами». Идеал, предлагаемый современному человеку, заключается не в возможности быть полезным человечеству, а в том, чтобы добиться, безразлично какими средствами, такого экономического положения, которое позволило бы жить, ничего не делая. Капиталисту нет дела, на чей счет он живет, лишь бы только выплачивалась его рента; из кого извлечена она — этого он знать не хочет.

В обществе же, к которому мы стремимся, центр человеческой деятельности будет перемещен. Идеалом будет не паразитизм, а стремление человека самому производить себе все средства к существованию. Гордость его будет заключаться не в числе рабов, которых он эксплуатирует, а в том, чтобы доказать, что нет продукта, который он не был бы в состоянии произвести своими собственными силами. Вследствие этого весь бесполезный труд, вызываемый современной социальной организацией, будет преобразован в производительный и будет содействовать всеобщему производству, а не уменьшать его, как теперь.

Все, кто ныне составляет армию и бюрократию, вся бесчисленная масса прислуги обоего пола, полиция, судебные и законодательные учреждения — вся масса лиц, занимающих паразитные должности предназначенные единственно для поддержания порядка в современном обществе, или же для удовлетворения личных потребностей и защиты эксплуататоров — все они перестанут быть бесполезными в социальном отношении и будут предоставлены своей собственной инициативе, своей личной деятельности, и начнут работать для своего существования. Все чиновники, служащие и счетоводы, проводящие всю жизнь в бюро, где портят бумагу, теряя свое время и заставляя терять общественное время, из-за того, что капиталисту или государству нужно знать, без всякой пользы для

общества, как успешно идут дела — все они будут возвращены к деятельной и продуктивной жизни.

Земли, пущенные в залежь владельцами, не заботившимися об удобрении или воздерживавшимися от предварительных издержек, необходимых при всякой более серьезной эксплуатации; увеселительные парки, охотничьи участки, превращающие в пустыни целые края, чтобы предоставить «простор» одному частному лицу, — все это будет возвращено производству и передано в распоряжение желающих их обрабатывать.

Мы видели, что такие пустыри, бесплодные и непроизводительные, по прихоти владельца, или потому, что предварительные издержки для их эксплуатации не могли бы быть немедленно возвращены алчному владельцу, ищущему ростовщических барышей, очень многочисленны; между тем, как эти пустыри, чтобы быть продуктивными, в будущем обществе потребуют только соединения сил и доброй воли.

Ныне мелкая собственность с ее системой заборов, оград, дробления на части, и личных эгоистических стремлений, вынуждает людей замыкаться, каждый на своем клочке земли, и пользоваться примитивными орудиями из-за недостатка земли или рабочих рук, которые позволили бы применить другие, более сложные, но и более производительные системы обработки.

Революция, сметая ограды, уничтожая границы, смешивая интересы, научит людей лучше понимать свою пользу. Когда они поймут, что соединившись с соседями, они смогут утилизировать машину, исполняющую в 8 дней работу их всех, в то время, как отдельно они затратили бы по 15 или 30 дней, если бы вздумали упорствовать в желании обрабатывать свой клочек земли примитивными орудиями — то это будет лучшим средством заставить их самих упразднить границы отдельных владений. На равнинах паровые машины вскопают почву и вызовут наружу плодоносные соки из ее глубины; одно улучшение повлечет за собою другое; при содействии химии, посредством вполне усваиваемых почвою и применимых к любой системе хозяйства удобрительных туков, земле будут возвращаться жизненные элементы, отнимаемые у нее в виде зерна, плодов, корешков или листьев; и утверждение, что в будущем обществе производство сможет быть доведено до такой степени, что никто не будет иметь ни надобности ограничивать свои желания, ни выгоды от какой бы то ни было распределительной власти — не является вовсе научной ересью.

Чаще всего нам указывают на тот факт, что имеются продукты, как, например: шелк, тонкие вина и тому подобные, которые не смогут быть произведены в количестве, достаточном для удовлетворения всех требований.

Революция совершится лишь тогда, когда рабочие поймут, откуда происходят причины их нищеты. Они будут достаточно интеллигентны и энергичны, чтобы суметь найти и применить средства против нищеты и потому нам кажется, было бы очень странно предположить, что они смогут внезапно сделаться настолько глупыми, чтобы передрались между собой, если над ними не будет попечительной власти, которая бы разделила между ними кусок шелка, корзинку трюфелей, бутылку шампанского, или какой-нибудь другой предмет, ценность которого обуславливается чаще всего трудностью его добыть, между

тем как он пригоден только для удовлетворения чувства тщеславия и может быть заменен, в большинстве случаев, каким-нибудь другим сходным продуктом, доставляющим такое же удовольствие, но менее вызывающим желание, так как встречается чаще.

Вышеупомянутое возражение настолько бессмысленно, что на него не следовало бы даже отвечать. Но защитники власти любят выдвигать подобные аргументы. Так как будущее общество не будет в состоянии перешагнуть границы, полагаемые самой природой, а нынешние проповедники его и подавно не могут этого сделать, то следовательно все вопросы, касающиеся будущего строя, могут выясняться только путем вычислений и рассуждений по теории вероятностей; благодаря этому наши противники торжествуют, выставляя себя практичными людьми, с положительным научным умом.

Послушаем их: они якобы, по крайней мере не увлекаются туманными мечтами, ни бессмысленной сентиментальностью, ни бесплодными размышлениями о человеческой доброте. Они изучили все тайники современного общественного строя вплоть до самого последнего его механизма, до самых мельчайших подробностей, и поэтому их нельзя обмануть!

Каков человек, хорош он или дурен — это подробность, которую им не нужно знать. Они заранее решили, что общество будет развиваться по их воле, и у них имеется готовый ответ на всякий вопрос, который может смутить сторонника свободы. Разве власть не магическая палочка, устраняющая всякое сопротивление... до того дня, когда она будет сломана о спину тех, кто ею пользуется?

Так, например, рабочие будут сражаться для того, чтобы получить удовлетворение своих важнейших материальных и интеллектуальных нужд; они будут достаточно умны, чтобы обеспечить себе успех, и вдруг они остановятся на пути к своему освобождению потому, что на всех не хватит достаточно трюффелей. Из-за недостатка шампанского погибнет будущее человечества! Такова логика социалистов и представителей буржуазии.

Что касается нас, мы думаем, в защиту человечества, что люди, достаточно умные, чтобы свергнуть общество, которое их эксплуатирует, сумеют сговориться, как миролюбиво распределить продукты, встречающиеся в очень малом количестве, и что в случае надобности самые умные сумеют уступить тем, которые не будут достаточно развиты, чтобы терпеливо ждать, пока настанет их очередь.

Нам возразят, что наш ответ наивен, — хотя он только приноровлен к возражению — что мы руководствуемся сентиментальностью, рассчитываем на доброту человека, выдуманного нами, а не такого, каков он в действительности и т. д. Поищем же чего-либо лучшего.

«Существуют продукты, незначительное количество которых не позволяет каждому человеку иметь их в достаточном размере; поэтому необходимо какое-либо правительство, которое устранил споры, само употребив эти продукты или разделив их между своими приверженцами», таково рассуждение сторонников власти. Нет ли однако способа найти более выгодное решение вопроса?

В современном обществе организуются, самостоятельно без помощи государства, товарищества взаимопомощи и взаимного страхования, где все участники вносят некоторую долю в общую сумму, которую получает каждый из них, когда дойдет его очередь. Несмотря на множество поводов к распрям в современной социальной организации, такие общества существуют и функционируют настолько хорошо, насколько они могут вообще существовать при современном строе, основанном на антагонизме индивидуумов. Ничто не мешает в будущем обществе отдельным личностям организовать подобное товарищество взаимопомощи для распределения спорных вещей.

Почему такое предположение недопустимо? Теперь, несмотря на все причины к распрям, несмотря на разделение интересов в нашем обществе, в котором люди принуждены сокращать некоторые свои потребности, мы видим, как они собравшись за столом, вежливо уступают соседям, и предлагают друг другу лучшие порции какого-нибудь блюда. То же самое видим в семье: жена, накормив детей, сохраняет для мужа «который работает и нуждается в восстановлении своих сил», самый большой кусок мяса и стакан вина, если имеется. Если есть старики в семье, каждый старается для них найти в блюде кусок, который они любят. И когда в доме не хватает хлеба, отец и мать урезают и без того уже небольшую свою долю, чтобы увеличить детскую, так как дети менее способны выносить лишения. Вместо общества, в котором люди вынуждены смотреть друг на друга, как на врага, создайте общество, которое было бы одной большой семьей, и то, что происходит в нынешней отдельной семье, будет происходить и в общей огромной семье будущего строя.

В настоящее время все специализировано; те, кто производит шампанское, шелк, производят только это. Вследствие личного присвоения, владельцем лучшего участка земли является отдельный человек и употребляет нескольких людей для обработки этой земли. В будущем обществе люди приложат свои производительные способности к производству массы предметов. Они будут, следовательно, вынуждены образовать большее число групп, и гораздо большее число людей примет участие в производстве по каждой специальности. И вот уже найден один способ распространения предметов, вытекающий из естественного хода вещей.

С другой стороны, те, которые будут производить какой-нибудь один предмет, не будут ограничиваться производством его специально для себя. Они будут выделять его для друзей, которым захотят сделать удовольствие, для групп или отдельных личностей, с которыми будут в сношениях, и от которых будут ожидать подобных же услуг.

Точно также будут поступать и те, кто будет производить шелк, шампанское и проч., при чем мы допускаем, что выделяние этих продуктов будет производиться в том же размере, как оно производится теперь.

Те, которые будут испытывать более других надобность в шампанском или в шелковой одежде, смогут испробовать свои производительные способности на этих предметах, но так как человек не живет только шампанским или шелком, то они будут вынуждены завязать сношения с другими группами, чтобы получить от них другие предметы и, следовательно, пустить в обмен свои продукты; стремление получить, при посредстве обмена, дорого ценящиеся предметы, заставит людей стараться создать новые вещи, способные возбудить

в каждом желание их иметь. Таким образом, мы, не ища, находим еще один из тех стимулов человеческой деятельности, в недостатке которых сторонники власти обвиняют анархическое общество.

Кроме того вещи, которые имеются в изобилии, быстро надоедают. Потребительная способность людей имеет пределы, и как только одни насытятся желанными предметами, она добровольно уступит свое место другим, новым потребителям.

Так как коллективисты из тактических целей отрицают, что их правительство есть настоящее правительство, то, конечно, им нужно было подыскать название, которое усыпило бы подозрительность недоверчивых и сделало бы приемлемым то, что скрывается под этим названием. Название «общественные службы» звучит хорошо. Общественная служба! общественное счастье! республика! — во всех этих словах слышится столько доброжелательности, что кто мог бы не доверять им?

«Службы почты, телеграфа, передвижения и другие в том же роде», говорят коллективисты, «будучи безусловно необходимыми для существования общества, не составляют никакого конкретного труда, который, окристаллизовавшись в каком-нибудь осязаемом продукте, мог бы быть сдан в общественный магазин. Тем не менее эти службы общественно полезны».

Занятые на этих службах лица будут иметь право на вознаграждение, которое должно будет быть взято из валового продукта социального труда и тут необходимы вычисления, чтобы соизмерить их труд с трудом других производителей и установить пропорциональное распределение. Так как их жалованье должно будет быть отнесено на счет всего продукта других корпораций, то очевидно, что эти работы должны быть объявлены общественными службами» (Конечно, это лазейка для установления налога!)

Делая такую предпосылку, коллективисты, очевидно, надеются оправдать существование «статистических комиссий» и всех паразитных должностей, которые они намерены создать для поддержания и защиты новой власти. «Общественные службы»! Под этим можно подразумевать все, что угодно, и под прикрытием полезной службы легко будет пролезть в люди любой креатуре паразитствующей администрации.

Но уловка слишком груба и может обмануть только наивных. Разве все, что служит благополучию или поддержанию общества, не является, уже самим фактом своей полезности — общественной службой? Производить зерновой хлеб или перевозить его туда, где в нем имеется надобность; производить башмаки или котлы, или доставлять из одной местности в другую продукты производства или сырой материал, необходимый для производства — разве всем этим не оказывается обществу равная услуга?

В чем же заключается необходимость создавать социальные категории, из которых одни носили бы этикетку, ставящую их, якобы, выше других, и доставляли бы таким образом элементы новой иерархии? Разве только в том, чтобы прикрыть ими, как щитом, статистические комиссии, должности и синекуры, которые хотят создать, и которые действительно могли бы сослужить службу в обществе, но одну из тех плохих и дурных

служб, от каких было бы необходимо освободиться без всякого промедления.

Нам возражали еще, что для работ, полезных всем, могущих охватить одну или несколько областей, нужно будет все-таки выбирать делегатов, обязанных сговориться о подлежащих выполнению работах; хотя бы функции этих делегатов были только временными и ограничивались выполнением данного проекта, ради которого они были бы выбраны. И это тоже заблуждение — ибо делегации бесполезны, когда можно самому делать свою работу.

Как мы пытались доказать в предыдущем личные интересы не должны противоречить общему; каждый может желать только то, что для него полезно, а то, что кому-нибудь полезно, не может быть вредно его ближнему, разве только, если общество плохо уравновешено. Сношения между группами и отдельными личностями, следовательно, будут касаться только главнейших вопросов, которые каждый сможет рассматривать с особой точки зрения, сообразно своей манере понимать вещи, но куда не будут примешиваться денежные интересы или стремления к обогащению, присвоению в личную собственность.

Кроме того, все различные понятия как то: село, деревня, община, кантон, округ, отечество, создающие теперь столько частных, различных между собою и антагонистических интересов, должны будут исчезнуть или, по крайней мере, оставаться только географическими названиями, облегчающими номенклатуру, топографию и личные сношения.

В результате все люди будут иметь только одну цель: выполнить проектированный труд таким образом, чтобы каждый нашел в нем приложение своих сил. Ныне при постройке какого-нибудь пути, канала, железной дороги, какого-либо учреждения, возникает соперничество интересов: влиятельный землевладелец интригует, чтобы заставить провести дорогу около его владений, и этим поднять их ценность; он пускает в ход все свои связи, чтобы проектируемая железная дорога прошла по его имениям в надежде получить выгодное вознаграждение. То, что происходит между отдельными личностями, равно наблюдается и между коллективными группами: одна община хочет иметь преимущества перед другой, один кантон хочет превосходствовать над соседним. В будущем обществе прежде всего постараются уничтожить бесполезные передвижения. Центры жительства создадутся вокруг местностей, изобилующих естественными богатствами. Если будет выгодно сгруппироваться вокруг рудников, чтобы непосредственно утилизировать добываемые из них материалы, то не будут поступать так, как поступают теперь: перевозить руду из одной местности в другую, и затем оттуда металл везти в следующий центр производства, что объясняется только тем, что политические разделения дают превосходство какой-либо одной области над другими.

Пути сообщения будут проводиться или перестроены так, чтобы связывали между собой все центры жительства, каковы бы они не были. Вопросы наследства, собственности, местной выгоды не привяжут больше целых поколений к местностям, в которых нет никакого основания пребывать, и не будут усложнять их сношений. Население сможет переселяться туда, где ему будет легче применять свои силы. И когда все такие частные и полукolleктивные интересы будут устранены, и останутся в наличности только различные способы смотреть на вещи, возможность к соглашению окажется вдвое легче.

Если бы дело шло, например, о постройке дороги, канала, железной дороги, к чему посылать делегатов? Люди, не будучи заняты работой по 12 и 14 часов в день, имели бы время заняться общими вопросами; так как средства передвижения, почта, телеграф и телефон были бы предоставлены в распоряжение каждого, то отдельные личности могли бы писать, съезжаться вместе и рассматривать сами свои дела без делегаций.

Затем нужно помнить, что идея подобной работы не могла бы зародиться внезапно в голове одного человека. Весьма вероятно, что нужда в обыкновенной колесной или железной дорогах сперва ощущалась бы только неясно; в начале о ней бы только говорили, затем нужда в них, усиливаясь, дала бы себя чувствовать гораздо большему количеству людей, и наконец сильное движение общественного мнения заставило бы каждого приняться за дело и перейти от неопределенного состояния в период деятельности, в котором каждый старался бы реализовать общее желание.

Лица, убедившиеся первыми в необходимости этой работы, наверно стали бы пропагандировать свои идеи между соседями. Они постарались бы сгруппировать вокруг себя тех, кто более всего способен им помочь, и когда они составили бы ядро, достаточно сильное, чтобы изучить вопрос серьезно, каждый разделил бы труд по своим знаниям или способностям. Инженер снимал бы планы, изучал бы почву и местности, по которым должна пройти дорога, канал или железная дорога; каменоломы, рабочие по металлу, плотники изучали бы, каждый по своей части, средства, которые они легче всего могли бы добыть; ораторы совершали бы путешествия, чтобы вербовать на митингах сторонников, и в то же время писатели составляли бы книги и брошюры по тому же вопросу. Вопрос таким образом изучался бы со всех сторон, в поисках за наилучшими проектами, в которых труд был бы применен на условиях прочности, красоты и экономии сил.

Когда настанет время перейти к выполнению, все появившиеся проекты окажутся уже рассмотренными: каждое предложение, сделанное кем бы то ни было окажется всесторонне взвешенным и исследованным, и возможно, что в результате ни один из первоначальных планов не будет применен, а из всех предложенных составит новый план, в котором от каждого будет взято лучшее, и таким образом составит, если не идеальное совершенство, то по крайней мере относительно самый лучший проект, стоящий на высоте требований времени.

Если отдельные личности окажутся оскорбленными тем, что их проекты не будут приняты, то они смогут выйти из группы, или лишиться ее своего содействия. Но кроме того, что такие случаи мало вероятны, так как вопрос личного интереса будет устранен, а тщеславие будет уменьшаться по мере того, как люди будут более образованы, личные соображения стушуются перед вопросами общей пользы, а вопросы личного самолюбия отодвинутся на второй план, и таким образом подобные случаи не смогут помешать общему делу.

Однако, чтобы не могли подумать, что мы стараемся избегать затруднений, допустим, что мнения относительно представленных проектов разделятся на две равные группы; — если бы разделились на большее число групп, работа оказалась бы невозможной, и следовательно нужно было бы возобновить пропаганду. Предположим, что эти две разномыслящие группы, не желая делать никакой уступки, обе решили приводить в

исполнение свои проекты. Если бы разделение помешало выполнить предпринятую работу, то надобность в ней не замедлила бы побудить большинство[7] притти к более примирительным умозаключениям и заставить их поискать средства к соглашению, чтобы получить возможность действовать. Если бы каждая фракция оказалась достаточно сильной, чтобы привести свой проект в исполнение — вещь очень маловероятная, ибо подобные работы не предпринимаются для простого удовлетворения личного честолюбия — то и здесь общий интерес явился бы лучшим примирителем; впрочем, разногласия касались бы только деталей, относительно которых не встретилось бы особенных затруднений к взаимным уступкам.

Но доведем вопрос до абсурда и предположим, что каждая группа была бы настолько увлечена своим проектом и настолько сильна, что, несмотря ни на что, выполнила бы свой проект. В таком случае, — опять ввиду того, что личный интерес будет устранен, — если работы этих двух групп будут иметь какие-либо точки соприкосновения, то группам придется войти в соглашение относительно общих участков, и продолжать действовать самостоятельно, что касается частных, и в результате получатся две дороги, вместо одной, чем, наверно, никому не будет нанесен ущерб.

Мы имеем здесь в виду разногласие, которое могло бы возникнуть относительно самого плана, и оно будет единственное возможное, ибо если дело коснется только различий в воззрениях на способы выполнения работы, или внутренней организации групп, то это нисколько не отразится на самом труде; каждая группа будет свободно организоваться по собственному пониманию; при предварительном распределении труда каждый выскажет свой взгляд, и соглашение будет возможно с тем, чтобы каждый мог приняться за работу на своем участке, не будучи стеснен сам и не стесняя других.

Сторонники власти, не убедившись этим, нам скажут: «Это хорошо, но предположите, что две группы желают делать ту же работу, на том же участке, и не хотят уступать друг другу. Не произойдет ли тогда между ними война?».

Если бы такой случай мог представиться, ответим мы сторонникам власти, то это значило бы, что вместо того, чтобы прогрессировать, человек пошел назад. Мы стараемся создать общество для существ, моральные и интеллектуальные способности которых развиваются, а не для дегенератов, возвращающихся в первобытное состояние. В таком случае нам нечего делать, и над этими людьми должна быть та власть, которую они заслуживают.

В настоящее время организуются разного рода общества; железные дороги, каналы, мосты, торговля, промышленность, страхование, взаимопомощь[8] и т. д., все становится добычей могущественных ассоциаций, которые образуются с целью эксплуатировать ту или другую отрасль человеческой деятельности. Если мы присмотримся к современному обществу ближе, то увидим бесчисленное множество мелких ассоциаций, образованных с целью получать материальную выгоду для своих участников, или ради удовлетворения какой-нибудь интеллектуальной потребности или фантазии.

Таковыми являются клубы, в которых члены находят, в подходящей обстановке, журналы, книги, отдых, экипажи для прогулок, развлечения и общество людей своего круга. Таковы

общества вспомоществования на случай болезни; потребительные общества, организующиеся ради того, чтобы иметь хорошие товары по дешевой цене; общества для взаимного страхования пенсий, выдаваемых членам при достижении известного возраста.

В другой области мы встречаем певческие и музыкальные общества; ассоциации для устройства научных или увеселительных поездок, для образования участковых библиотек, для занятий гимнастикой и даже ассоциации простых пьяниц или обжор. Еще имеются ассоциации научные, ставящие себе целью развитие человеческих знаний, знаменитое общество «Красного Креста» для помощи раненым; общество спасания на водах; общество покровительства животных, члены которого только работают, не получая никакой материальной выгоды, ради простого интеллектуального или морального удовлетворения.

Конечно, у некоторых из членов этих обществ замечается много хвастовства и тщеславия, желания показать с малым трудом мелочную филантропию, или получить материальную выгоду, но нужно допустить, что большая часть членов искренно верит, что делает нечто хорошее; и действительно, несмотря на дурную социальную организацию, иногда делают его. Как ни неопределенны и несовершенны эти ассоциации, они отчасти отвечают стремлениям членов.

Относительно будущего общества, в котором личная инициатива не будет связана с денежным вопросом, в котором все свойства человеческой натуры будут свободны, и одинаковые характеры будут свободно стремиться друг к другу, можно по аналогии с упомянутыми выше современными ассоциациями предвидеть, как установятся социальные отношения, и как урегулируются сношения между группами и отдельными индивидуумами. С целью производить или потреблять ту или иную вещь, люди сгруппируются по своим вкусам, способностям и темпераментам. Почта, железные дороги, воспитание детей, и т. д. войдут в социальную организацию, также как производство котлов или чулков, ибо — все это составляет часть человеческой деятельности и должно двигаться личной инициативой; произойдет разделение труда — вот и все.

Так как никто не будет более связан денежными затруднениями или экономическими условиями, то каждый примкнет к той группе, которая лучше всего ответит его целям, его потребностям. Таким образом, та группа, которая принесет больше пользы, будет иметь больше шансов развиваться.

Человек существо сложное, его волнуют тысячи различных чувств, он живет под влиянием разнообразнейших потребностей; и группы, которые образуются, будут так же многочисленны. Разнообразие их обеспечит отправление всех служб, необходимых для существования общества; многосложность человеческих потребностей даст возможность их удовлетворить; свободное проявление всех человеческих сил должно привести нас к искомой цели: Мировой гармонии!

И пусть не называют это утопией, указывая на примеры современных ассоциаций; положение не будет тем же; будущего человека никоим образом нельзя будет сравнивать с настоящим; уже для того, чтобы понять наш идеал и суметь создать среду, которая позволила бы его применить, человек сначала должен будет развиваться; затем вслед за

изменением социальной организации произойдет изменение нравов. Влияние среды составляет естественный закон, проявляющийся повсюду.

Все современные ассоциации дают простор сторонникам власти и эгоистам. Если ассоциация многочисленна — часто даже и это не является необходимым условием — то среди членов ее возникают различия по должностям, положениям и денежным вознаграждениям, ибо одно связано с другим, и кроме того в настоящее время существуют также вопросы первенства.

Интересы группы, которые должны быть для всех главным двигателем, отходят на второй план, ибо вне этой группы имеется огромное общество, которое дробит интересы и побуждает каждого человека удовлетвориться непосредственной выгодой во вред соседям, рискуя понести ущерб в будущем, и таким образом случается, что под знаменем общего интереса проходит масса частных.

Несмотря на все причины раздора, несмотря на столкновение противоположных стремлений, согласие, обыкновенно, поддерживается довольно долго; распря возникает только тогда, когда один или несколько членов ассоциации, более ловких и бессовестных, чем другие, начинают обманывать своих сотоварищей, стараясь получить доверие на управление ассоциацией, чтобы тогда заставить ее действовать сообразно своим частным интересам, до тех пор, пока не смогут отстранить от общей собственности своих товарищей и остаться ее единственными владельцами.

Примем во внимание, что в будущем обществе не будет ни частных доходов, извлекаемых из какого-либо предприятия, ни коммерческих, ни прибыльных операций. Люди будут группироваться для того, чтобы вести какое-либо определенное дело, производить какой-либо условленный продукт, для потребления каждого из соучастников, или для передачи тем группам или отдельным личностям, с которыми данная группа будет поддерживать дружеские или меновые отношения.

В каждой группе члены будут совершенно равны и свободны выйти из нее, когда им заблагорассудится, так как они не будут иметь вложенных в нее капиталов. Каждый внесет в группу свою долю труда, заранее условленную, и не будет иметь никакого предложения от нее отказаться, так как она будет выбрана им самим. Так как наемный труд будет уничтожен, не будет раздоров по вопросу о заработной плате.

В результате отдельный человек будет привязан к группе только удовольствием, которое он в ней найдет, облегчениями, которые она ему предоставит для удовлетворения его потребностей. Он будет привлечен в эту группу, может быть, выгодами, которые она одна ему доставит или будет способна ему доставить при более приятных условиях, чем другие группы; может быть также он будет привлечен в эту группу единственной потребностью применить свои специальные способности, которые будут наиболее цениться членами именно этой группы. Множество различных побуждений ведет многих лиц к одной и той же цели.

Как отдельная личность сможет избавиться от произвольных действий, навязываемых ей от имени группы, точно также группа сможет отказать в своем содействии отдельному человеку, который, вследствие ли злой воли, или по другому мотиву, перестал бы подчиняться дисциплине, предварительно установленной по соглашению, которое будет предшествовать распределению труда. Об этом мы поговорим дальше.

Сторонники власти возражают нам, что так как люди слишком испорчены современным воспитанием, слишком развращены вековыми предрассудками, то они не будут ни достаточно умны, ни достаточно совершенны для того, чтобы им могла быть предоставлена свобода организоваться по своей воле, и будут нуждаться в какой нибудь регулирующей власти, которая бы держала их, каждого в пределах его права.

«Люди не будут достаточно умны, чтобы уметь собою руководить». Вот рассуждение в высшей степени нелогичное. И чтобы устранить опасность не находят ничего лучшего, как поставить во главе их других людей, может быть, более интеллигентных, хотя не наверно, но также, как и прочие, разделяющих те предрассудки, в которых упрекают общество; то-есть, вместо того, чтобы уничтожить предрассудки и пороки в массе, вместо того, чтобы постараться извлечь из совместной работы всех, при свободе каждого в отдельности, ту искру правды, которая осветила бы путь к будущему, хотят видеть воплощение всего общества в нескольких индивидуумах, имеющих руководить этим обществом согласно своему личному, более или менее широкому мировоззрению.

И кто выберет этих руководителей?

Мы не предполагаем, что любители власти нам скажут, что они сами себя выберут. Правда, некоторые личности, глубоко убежденные в своем высоком достоинстве, раскритиковали всеобщее избирательное право, провозглашая право интеллигенции поработить грубую чернь. Но они в политике ничего не значат, и вся псевдо-интеллигентность, которой они себя считают одаренными, делает из них каких-то мумий прошедшего: и нам ничего ими заниматься.

«Народ выберет своих уполномоченных», отвечают нам сторонники всеобщего избирательного права. Но ведь они только что возражали нам, что народ не будет достаточно зрел, чтобы уметь руководить собой. Каким же чудом этот народ созреет настолько, что сумеет выбирать между всеми интриганами, которые не преминут явиться выпрашивать у него избирательные бюллетени.

Избранные всеобщим голосованием новые правители, — как впрочем и современные — будут представлять собою среднюю всех мнений. Для руководства над нами, мы будем иметь только посредственностей, и, допуская даже, что мы имели бы возможность случайно встретить людей, выдающихся по уму и интеллигентности, тем не менее, как известно, какова бы не была широта взглядов отдельной личности, человеческий мозг всегда ограничен в своем развитии общим развитием эпохи. Человек может быть впереди ее, но во всяком случае, в очень незначительной степени.

Он не может даже усвоить всех знаний своей эпохи в одинаковой степени; и если бывает передовым в одних идеях, то зато и ретроградным в других. В извилинах его мозга всегда найдутся клеточки запоздавшие в своем развитии и сохранившие которые-нибудь из господствующих предрассудков. Есть идеи, принимаемые всеми в теории, перед осуществлением которых отстают. Так например, те, кто в настоящее время находят смешным законный брак, тем не менее считают нужным легализировать свои брачные узы через представителя власти, утверждая, что это необходимо в современном обществе.

Значит, существует достаточно причин, удерживающих людей на болотистых тропинках рутины, и не нужно еще увеличивать их число, передавая в руки нескольких лиц власть, которая им позволила бы удерживать желающих оставить проторенные пути. И мы вправе сказать сторонникам власти: берегитесь, когда вы будете говорить нам о прогрессе, чтобы мы не заметили, что предлагаемый вами способ движения по его пути состоит в задерживании его под тем предлогом, что вы недостаточно сильны, дабы идти наравне с ним; берегитесь, чтобы мы не поняли, что единственная свобода, желательная для вас, состоит в том, чтобы избавиться от тех, которые думают не так, как вы, и полагают, что нет гениальных людей, вмещающих в себе все человеческие знания; которые убеждены, что эти знания, напротив, распределены во всем человечестве, рассеяны в каждой отдельной личности.

Вы боитесь не возврата назад, а невозможности доставить преобладание тщеславию, которым вы преисполнены. Вот почему вы противники тех, кто полагает, что всем людям должна быть предоставлена свобода искать друг друга и группироваться по своему усмотрению и что свобода личной инициативы даст миру новый свет.

Только видя рядом с собой лучше организованную группу, группа, организованная плохо, задумает сама реорганизоваться и постарается сделать это лучше. Насилие только причинило бы страдание тем, кого захотели бы к этому принудить. От свободного и продолжительного движения и непрерывного преобразования получится, наконец, та общность идей, тайну которой никто не знает, и которую напрасно пыталось бы установить насилие.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 15:38:53

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 15:40:25